

УДК 821.111**У истоков литературного центра на идише в Америке:
Леон Кобрин, прозаик, драматург, переводчик, мемуарист****Элиасберг Галина Аркадьевна**

Кандидат филологических наук,
доцент учебно-научного центра библеистики и иудаики,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: gaeliasberg@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется творчество Леона Кобрин (1872, Витебск – 1946, Нью-Йорк), одного из основоположников еврейско-американской литературы, судьба которого неразрывно связана с историей первых поколений русско-еврейских эмигрантов 1880-х–1890-х гг. в США. Прослеживается влияние русской литературной традиции и идейных движений рубежа XIX–XX вв. на становление литератора, писавшего на языке идиш. Отмечается значение его переводов произведений русской и европейской классики для развития еврейской литературы в США. Рассматривается отношение писателя к выбору языка литературного творчества. Анализируются прозаические и драматургические произведения раннего и зрелого периода творчества Кобрин, а также его мемуарные сочинения 1920-х–1940-х гг., отразившие психологический и социальный опыт нескольких поколений эмигрантских семей в Америке.

Для цитирования в научных исследованиях

Элиасберг Г.А. У истоков литературного центра на идише в Америке: Леон Кобрин, прозаик, драматург, переводчик, мемуарист // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 1А. С. 257-267.

Ключевые слова

Еврейская литература, драматургия, театр, эмиграция, идиш, переводы русской литературы.

Введение

Леона Кобрин (1872, Витебск – 1946, Нью-Йорк) по праву называют одним из основоположников литературы на идише в Америке [Grin, 1963, 93]. Его судьба неразрывно связана с историей первых поколений русско-еврейских эмигрантов в США. Начало массовой еврейской эмиграции в Америку положила волна погромов 1881–1882 гг. на юге России. Этот же период стал отправной точкой для формирования нового еврейского культурного центра в США, специфику которого во многом определили российские евреи [Cassedy, 1997]. Перу Кобрин принадлежат десятки рассказов, около тридцати пьес, несколько романов, множество литературно-критических статей, а также мемуарные книги «Воспоминания еврейского драматурга: четверть века еврейского театра в Америке» [Kobrin, 1925] и «Мои пятьдесят лет в Америке» [Kobrin, 1955, 1966].

Переводческая деятельность Л. Кобрин.

Кобрин известен как переводчик произведений русской и западноевропейской литературы на язык идиш. В его переводах на еврейской сцене шли постановки «Гамлета» Шекспира, «Фауста» Гете, «Детей гетто» И. Зангвилла, а также пьесы «Живой труп» Л. Толстого, «Еврей» Е. Чирикова. В переводческой работе писателю помогала жена Паулина (урожденная Сегаль, 1875, Белосток – 1961, Нью-Йорк). Кобрин издал на идише 4 тома избранных произведений И.С. Тургенева, избранную прозу А.П. Чехова (в 4-х томах) и Г.И. Успенского, романы «Воскресенье» Л.Н. Толстого, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Санин» М.П. Арцыбашева, «Отверженные» В. Гюго (в 5-ти томах), собрание сочинений Ги де Мопассана (18 томов) и произведения Э. Золя. Кобрин открыл еврейской публике в США творчество Горького, издав на идише 3-томник его рассказов.

Подъем переводческой активности в США, увеличение тиражей иностранной литературы на идише способствовали развитию книжного рынка, повышению общей культуры и литературного вкуса еврейских читателей [Kobrin, 1920, xviii-xix]. В газете «Дер тог» Кобрин опубликовал серию очерков о Шелли, Байроне, Лонгфелло и других писателях, знакомивших его читателей с мировой англоязычной литературой. В 1908 г. в петербургской газете «Рассвет» он выступил с полемической статьей «О еврейских писателях в Америке», в которой подчеркивал значение переводческой работы своих коллег: А. Кагана, Г. Горина, Я. Ромбро, Л. Миллера, А. Лесина и других еврейско-американских писателей [Кобрин, 1908]. Отвергая упреки в свой адрес со стороны журналиста Ровенского, утверждавшего, что его перевод романа «Санин» Арцыбашева отражает не столько литературные задачи, сколько стремление «практических американцев» заработать на интересе к этой книге, Кобрин отвечал, что его работа была призвана «познакомить наших читателей ... с произведением, олицетворяющим ... в известной степени новое течение, послереволюционное, в русской жизни, отчасти и в русско-еврейской жизни» [там же, 11]. Эти строки свидетельствуют о неизменном интересе Кобрин к событиям, происходившим на далекой родине.

Витебское детство и память о «старом доме» в творчестве Л. Кобрин

В автобиографической заметке (1899) Кобрин писал, что его отец был «торговцем средней руки». До 12-ти лет он учился в еврейской религиозной школе, благодаря друзьям увлекся чтением русских книг и в 15 лет начал писать рассказы на русском, но напечатаны они не были

[Ромбро, 1899, 29]. Заметка была составлена по просьбе журналиста Я. Ромбро, подготовившего серию статей «Жаргонная литература в Америке» для петербургского журнала «Восход». Представляя читателям творчество молодого Кобрин, критик отмечал его глубокие знания русской и европейской литератур и приверженность к реалистической школе.

Спустя несколько десятилетий, вспоминая свою юность в Витебске, Кобрин писал, что одним из первых читателей его рассказов был младший брат известного социалиста Х. Житловского. С особой теплотой он отзывался о витебском «кружке саморазвития и самовоспитания». В домашней библиотеке Житловских Кобрин познакомился с нелегальной литературой, читал А. Герцена, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, Л. Тихомирова, П. Ткачева, журналы «Колокол», «Современник», «Набат», «Отечественные записки» [Kobrin, 1966, 246-248]. Его личная встреча с Житловским состоялась в Нью-Йорке в 1904 г., когда тот выступал вместе с Е.К. Брешко-Брешковской, собирая деньги для партии социалистов-революционеров. По свидетельству Кобрин, Житловского приходили слушать даже те, кто не знал русского языка, но был захвачен его ораторским искусством [Kobrin, 1966, 252]. Вторым человеком, оказавшим на него принципиальное влияние, Кобрин называл еврейского драматурга, в прошлом толстовца Якова Гордина, встреча с которым также состоялась в Америке [Kobrin, 1925, V. 1, 109-139].

Память о детстве и родине навсегда осталась в душе писателя. Воспоминания о «старом доме» согревают сердца многих его героев, с особой проникновенностью они звучат в серии очерков «Литовское местечко» (1914), рисующих будни и нелегкий труд еврейских ремесленников, их праздники и радость субботнего покоя. Вместе с тем писатель показывает, как постепенно к обитателям местечка приходят вести из Америки, вселяющие надежду на лучшую долю в далекой стране, где нет грозных урядников и административных запретов. В 1919 г. И. Гольдберг перевел очерки на английский язык, и в дальнейшем они неоднократно переиздавались [Kobrin, 1920].

Американский период в жизни Л. Кобрин. Выбор языка литературного творчества

Мечта о свободе привлекла и юного Кобрин, прибывшего в Филадельфию весной 1892 г. В автобиографии 1899 г., перечисляя профессии, которые пришлось освоить «зеленому» эмигранту, он отмечал, что его, однако, «всегда тянуло писать... и в голове вертелись мысли, которые уносили... далеко от швейных машин, рубашек, сигар...» [Ромбро, 1899, 30]. Сотрудничество в еврейской социалистической прессе позволило Кобрину оставить «ручную работу»: «Он один из тех немногих жаргонных писателей в Америке, которые кое-как существуют трудом своего пера», – писал Ромбро.

В конце XIX в. язык идиш было принято называть «жаргоном», что отражало невысокий статус разговорного еврейского языка по сравнению с древнееврейским, немецким, русским и другими языками их культурного окружения. «В России я не только не был знаком с жаргонной литературой, но понаслышке имел о ней очень скверное мнение. Это мнение я переменял по переезде моем в Соединенные Штаты, – писал Кобрин. – Первое время мне очень трудно приходилось подбирать чисто жаргонные выражения для мыслей и особенно образов, но мало-помалу я освоился с этим своеобразным языком, и теперь он кажется совсем не бедным, и если у нас нет Толстых и Чеховых, то в этом менее всего виноват жаргон» [там же, 29].

Спустя десятилетие в предисловии к сборнику своих рассказов (1910) Кобрин отмечал, что в юности читал произведения еврейских писателей в переводе на страницах русско-еврейского журнала «Восход» [Kobrin, 1910, iii–iv]. Литературу на идише он открыл для себя в Америке. Увидев переводы рассказов Чехова и Короленко в газете «Арбэтэр цайтунг», юноша понял, что можно писать и на родном языке [Niger, 1946, 219].

В 1893 г. Кобрин опубликовал свой первый литературный труд – перевод на идиш рассказа Гл. Успенского, который появился в газете «Фрае арбэтэр штимэ». Вскоре в «Филадельфие штот-цайтунг» вышла серия его статей под общим названием «Письма в Россию о жаргонной литературе в Америке». В 1894 г. Кобрин начал писать для «Арбэтэр-цайтунг», а затем стал сотрудничать в журнале «Цукунфт».

Отражение быта и ментальности русско-еврейских эмигрантов в США в прозе и драматургии Л. Кобрин.

В своих произведениях Кобрин создавал бытовые и психологические зарисовки из жизни еврейских кварталов, изображал любовные истории и семейные конфликты, показывал драматизм социальной борьбы. Так, рассказы «Карл Маркс: из истории еврейского рабочего движения в Нью-Йорке» и «Бакунин: из истории еврейского рабочего движения в Америке» демонстрируют коллизии экономической и социально-политической борьбы рабочих-эмигрантов. Оба рассказа названы по прозвищам их главных героев: социалиста Джека и анархиста Янкла.

Джек («Карл Маркс») работает в мастерской своего брата мистера Хлебницкого, он примкнул к забастовке, и потому конфликт между родными людьми еще более обострился. Забастовка не принесла результатов, Джека арестовали, но старший брат добился его освобождения. В финале рассказа Джек бросает ему в лицо доллары, которые накануне мистер Хлебницкий передал его голодающим детям. Гордость Джека уязвлена: он не хочет быть «шнорером» (попрошайкой) и готов продолжать борьбу. Финал рассказа открыт: «Братья стоят еще некоторое время, злобно глядя друг на друга. Затем каждый уходит своей дорогой: Джек – в свой “юнион”..., а мистер Хлебницкий – на свою фабрику, где сегодня работа пошла “полным ходом”» [Kobrin, 1910, 453, здесь и далее перевод наш – Г.Э.]. Рассказ был инсценирован под названием «Сойним» («Враги», 1912).

Главный герой рассказа «Бакунин» (1897) в прошлом Янкл, а ныне Джек, работает на фабрике женской одежды в Филадельфии [Kobrin, 1910, 454-470]. Он читает еврейские газеты, вступает в профсоюз и участвует в рабочих собраниях. Некоторое время Джек раздумывал: примкнуть ли ему к социалистам или к анархистам. В итоге своим кумиром он избирает Бакунина, о котором говорит с особым жаром, но поскольку ему трудно участвовать в дебатах, Джек бросается в драку с теми, кто ставит под сомнение авторитет русского анархиста. Он познакомился с работницей Минкой, недавней эмигранткой из России, рассказывает ей о рабочем движении и уверен, что она станет соратницей в общей борьбе. Однако пути молодых людей расходятся. Девушка просит сыграть свадьбу по еврейскому обряду, так как это важно для ее матери, но Джек отказывается: настоящий революционер и идейный анархист, он ни за что не пойдет в синагогу. Герой тяжело переживает разрыв, но не может поступиться принципами, и потому решает навсегда уехать из города. Подобный конфликт между идейными воззрениями героев и их любовным чувством был характерен и для других произведений (повесть «Красная Лола» (1936), роман «Берта» (1928)) [Niger, 1946, 232-233].

В 1898 г. был издан один из самых известных рассказов Кобрин «Янкл Бойле» из жизни «старого дома», повествующий о трагической любви рыбака Янкла к христианской девушке Наташе. Перед смертью отец Янкла потребовал от сына сохранять верность своей религии и жениться на просватанной за него дочери корчмаря Нохума. Однако Нохум собирается разорвать помолвку, видя, что Янкл вырос грубым парнем. Кончина отца резко меняет поведение юноши: он начинает ревностно соблюдать предписанные религиозные обряды. В то же время по деревне поползли слухи о том, что Янкл собирается креститься, чтобы жениться на Наташе, которая ждет от него ребенка. Не в силах примирить противоборствующие чувства, герой кончает жизнь самоубийством. Этот рассказ, по-новому представивший драму психологических переживания человека из народа, привлек внимание литературных критиков в Америке и России, принеся автору широкую известность. Первый сборник малой прозы Кобрин вышел под названием «“Янкл Бойле” и другие рассказы» (Н.-Й., 1898).

На этот же рассказ обращал внимание Л. Винер в первой монографии по истории литературы на идише «The History of Yiddish Literature in the Nineteenth Century» (Нью-Йорк, 1899): «Его изображение представителей низших классов с их необузданными страстями напоминает замечательные рассказы русского Горького» [Wiener, 1972, 225–226]. В главе, посвященной еврейско-американским прозаикам, начавшим публиковаться в 1880-е–1890-е гг., Винер говорил о Кобрине как о талантливом сотруднике журналов «Цукунфт» и «Найе цайт», «одном из наиболее оригинальных авторов реалистической школы, пишущих в манере русского Чехова». В главе о театре он также приводил его имя среди тех, кто наряду с Гординым «влил свежую кровь и дал новую жизнь еврейской драме» [Wiener, 1972, 242].

В 1908 г. по рассказу «Янкл Бойле» была создана одноименная пьеса, которая успешно ставилась еврейскими профессиональными и любительскими театрами Европы и Америки. На сцене перед зрителями представало приднепровское местечко, его труженики-рыбаки, евреи и русские, звучали их песни во время работы и праздников. Речь героев изобиловала русизмами и просторечиями, что подчеркивало ее народный характер. Кобрин был одним из первых, писавших на идише литераторов, кто стремился показать борьбу душевных страстей. Не случайно критики нередко сравнивали его тексты с произведениями Мопассана и Чехова. Однако писателя справедливо упрекали в использовании мелодраматических эффектов и излишнем сентиментализме [Rogoff, 1916, 114–115].

В 1910 г. в Нью-Йорке вышел сборник «Избранной прозы» Кобрин, включавший 70 рассказов, распределенных по рубрикам: «Любовь», «Семейная жизнь», «Из жизни еврейской художественной среды», «Время и люди», «Комическое и трагикомическое», «Разное» [Kobrin, 1910]. В предисловии автор подчеркивал особый путь, пройденный литературой на идише в Америке. За короткий срок она сумела сформировать собственные темы, своих героев, отличных от тех, которые были знакомы еврейским читателям в России. Она создавалась усилиями небольшой группы молодых людей, прибывших в США в 1880-е гг. Эти «интеллигенты-революционеры» были воспитаны на русской демократической литературе, на книгах Маркса и Прудона. Языком их общения был русский, а их осведомленность о литературе на идише ограничивалась сведениями о книжках для простонародья. Но именно этой молодежи было суждено заложить основы литературы на идише в Америке, хотя никто из них об этом не задумывался, ибо все они были интернационалистами, мечтали о скором приближении социальной революции, но хотели просвещать рабочую массу на родном ей языке [Kobrin, 1910, i–viii].

Размышления о пути, пройденном еврейскими литераторами в Америке, развиваются и в известной работе Кобрин «От германизированного жаргона к идишу в Америке» (1943): «У

нашей американской литературы на идише есть своя история... Наша литература здесь в большей степени была связана с литературой европейской и русской, чем с литературой на идише в России. Наша литература рассказывала о новой еврейской жизни, о новом окружении, о новом еврейском рабочем, о новых еврейских районах и мастерских – короче, о той жизни, которая до того не была известна еврейской литературе в России» [Kobrin, 1966, 276].

Эти утверждения наглядно иллюстрируют рассказы Кобрин, вошедшие в англоязычную антологию «Pushcarts and Dreamers: Stories of Jewish life in America» (NY, 1967). Так, рассказ «Мелкие душонки» представляет социальный и национальный конфликты, разыгравшиеся на сигарной фабрике, где наймом рабочих занимался управляющий Маккарти, ирландец-антисемит, не бравший евреев на работу. Однажды он ошибся, приняв пришедшего эмигранта за испанца. Новичок сразу понял, что помимо него, в мастерской были еще двое рабочих, скрывавших свое еврейство. Боясь потерять место, они заискивали перед управляющим и смеялись над его грубыми шутками. «Мелкие душонки», – думал о них рассказчик, наблюдая за этой «трагикомедией». Накануне рождественских праздников было много заказов, и ирландцу пришлось нанять еврея-эмигранта. Плохо понимавший английский язык Нохем Трейтл оказался отличным работником, но Маккарти постоянно к нему придирался. Однажды унижения зашли слишком далеко, переполнив чашу терпения рассказчика: он вступился за Нохема, призвав на помощь своих единомышленников. Оба «тайных еврея» были раскрыты. Управляющий понял, что обманут и заявил об увольнении как Нохема, так и его защитника. Драматический финал демонстрирует острый психологический конфликт в сознании героев: рассказчик гордо покидает мастерскую, добившись немедленной выплаты зарплаты, а Нохем упрекает не своих обидчиков, а напротив, защитника: он не просил того о заступничестве, ведь жизнь в изгнании приучила его к унижениям. Нохем горюет только о потерянной работе.

Второй рассказ «Общий язык» также построен на сочетании социального конфликта, разделяющего людей, несмотря на их этническую общность, и размышлений о человеческой солидарности, позволяющей понять и проявить сочувствие к тем, кто говорит на незнакомом языке. Это история о том, как еврей-эмигрант, нанятый сторожем в богатый еврейский дом, ловит, а потом отпускает «грабителей» – итальянца и его пятилетнюю дочь, забравшихся во двор, чтобы собрать щепки на растопку своей жалкой лачуги, – за что получает расчет от хозяев-единомышленников.

Как романист Кобрин заявил о себе в 1909 г., когда в газете «Вархайт» начал печататься его роман «Эмигранты», вскоре выпущенный отдельной книгой. Он представил широкую панораму социальной и культурной жизни еврейских кварталов, вывел персонажей из разных общественных движений и групп, социалистов и анархистов, сионистов и ассимиляторов, отразил театральную и журналистскую среду. Этот роман стал одним из первых произведений большой литературной формы, созданных на идише в Америке [Niger, 1946, 237-238].

Второй роман «Оре-борода» также печатался на газетных страницах в 1913 г., а в 1918 г. редакция «Форвертс» выпустила его отдельной книгой. Главным героем этого социально-психологического романа был религиозный еврей из местечка, начавший свою жизнь в «новом доме» с мелкой торговли вразнос. За годы напряженного труда ему удалось скопить небольшую сумму, на которую была куплена земля в районе нью-йоркского пригорода, где вскоре начался знаменитый строительный бум. В результате Оре разбогател, что резко изменило его жизнь и окружение. У Кобрин образ «олрайтника» (успешного эмигранта) строился не на известных приемах социальной сатиры, но, напротив, изображался с несомненным юмором и симпатией к его уму и воле. Для автора была важна психология героя, его внутренняя борьба с изменчивой судьбой, стремление к душевной гармонии, к личному счастью и невозможность обретения

своей мечты в новом неравном браке с юной Рейчел. Третье, переработанное издание романа, было опубликовано в 1936 г. под новым названием «В золотой буре», в котором отразился опыт не только финансового взлета 1903 – 1904 гг., но и кризиса 1929 г. [ibid., 242 - 248].

Дебют Кобрин как драматурга состоялся в Нью-Йорке в 1899 г., когда он представил на обсуждение в театральное общество «Фрайе идише фолькс-бинэ» пьесу «Минна». В ходе дискуссий было решено переработать ее текст совместно с Гординым. Сюжет о гибели женщины, влюбившейся в жениха своей дочери, был новым в еврейской драматургии. Гордин, увидевший сходство с ибсеновской драмой «Нора», предложил дополнить название «Минна, или Нора из еврейского квартала». В дальнейшем пьеса длительное время с успехом ставилась в Нью-Йорке.

Яркая личность Гордина как знаковой фигуры в развитии нового театра на идише была принципиальна для Кобрин. Эту связь отметил и американский журналист Х. Хэпгуд в своей знаменитой книге «The Spirit of the Ghetto» (1902), ставшей одним из первых исследований культурной жизни еврейских эмигрантов в Нью-Йорке. В главе «Сатирик еврейских кварталов», посвященной малой прозе Кобрин, Хэпгуд указывал, что его пьесы часто основывались на сюжетах, разработанных ранее в рассказах [Hapgood, 1967, 222-229]. Зависимость Кобрин от «реалистической школы Гордина» подчеркивал и Д. Пинский в очерке «Еврейская драма: обзор ее развития» (Нью-Йорк, 1909). Он считал Кобрин одним из наиболее значительных его последователей. Однако в целом исследование Пинского было посвящено критике «реалистической школы», а потому Кобрин представлялся ему устаревшим [Pinsky, 1909, 36-39].

В своих литературно-критических статьях Кобрин стремился подчеркнуть самостоятельность еврейского творчества в Америке. Однако рассказывая о «новом доме», он не мог не отразить одну из базовых составляющих ментальности еврейских эмигрантов – их память о покинутой родине. В 1906 г. под впечатлением от событий первой русской революции Кобрин написал драму «Великий еврей» («Дер гройсер ид»), среди персонажей которой были выведены и жертвы погромов, и представители еврейских политических организаций, бундисты и сионисты. Социальная драма Кобрин находила горячий отклик в сердцах зрителей, узнававших о том, что происходит на далекой родине со страниц американских газет [Entin, 1952, xv-xvi].

Пьесы Кобрин были впервые показаны в России в 1913 г. во время гастрольной поездки труппы Бориса Томашевского по Европе. Так, в июне 1913 г. газета «Одесские новости» сообщала о постановках двух его пьес «Нарушенное обещание, или Берчик в Америке» и «Потерянный рай» [Биневиц, 2009, 312-316]. Обе пьесы вошли в репертуар нескольких еврейских театральных коллективов в России, в 1922–1923 гг. их ставил Петроградский еврейский театр Рудольфа Заславского [Смирнова, 2016, 74].

Местом действия многих драм Кобрин стали еврейские кварталы Нью-Йорка: «Минна, или разрушенное семейство из Даун-Тауна» (1899), «Гетто Ист-Сайда» (1899), «Соня с Восточного Бродвея» (1901), комедии «Соседка» (1915), «Риверсайд Драйв» (1928) и другие. Его семейные драмы отражали проблему взаимоотношений «отцов» и «детей», ставили вопрос об ассимиляции и судьбе еврейской культуры в Америке [Элиасберг, 2016]. Национальная проблематика ярко представлена в пьесах «Надежда Израиля, или святая любовь («Исроэль хофенунг, одер хейлике либе», 1915) и «Назад к своему народу!» («Цурик цу зайн фолк!», 1917). Как отмечал Ю. Энтин, обе пьесы «не были данью литературной моде, но отражали подлинные, глубокие и сильные национальные чувства, пробудившиеся в те годы на еврейской улице в Америке» [Kobrin, 1952, XXVI].

Драма «Назад к своему народу!» была поставлена Томашевским в декабре 1917 г., когда в центре всеобщего внимания были провозглашенная Декларация Бальфура и революционные события в России. Главным идейным героем выступал русско-еврейский интеллигент д-р Шварц, приехавший в Америку с лекциями о еврейском национальном движении. В финале пьесы д-р Шварц вместе с его американским братом-банкиром Артуром Блэком отправлялись в Палестину строить «национальный дом». Таким образом, пьеса представляла столкновение двух культурных моделей: прагматической американской «self-made man» и идеалистической русской, которую воплощал д-р Шварц. Публика приветствовала пьесу овациями [Kobrin, 1925, v. 2, 149-150].

Поздний период в творчестве Л. Кобрин и его мемуаристика.

В начале 1920-х гг. в идишской газете «Дер тог» публиковалась серия статей Кобрин под общим названием «Четверть века – заметки о еврейской культурной жизни в Америке». Тогда же газета поместила вторую серию его заметок «Воспоминания еврейского драматурга – четверть века еврейского театра в Америке» о «золотой эпохе» в истории американского театра на идише. В 1925 г. в Нью-Йорке вышел в свет двухтомник Кобрин «Воспоминания еврейского драматурга» [Kobrin, 1925], переизданный в Вильно в 1926 г. В книгу вошли главы, посвященные созданию в 1897 г. первого театрального объединения «Ди фрайе идише фольксбине» и его организаторам Энтину и Гордину. Кобрин рассказывал о своих встречах с драматургами А. Гольдфаденом, И. Зангвиллом, Н.-М. Шомером, о работе с актерами Д. Кесслером, З. Могулеско, Я. Адлером, Б. Томашевским, актрисами К. Липцин, Б. Калиш и другими мастерами национальной сцены. Кобрин неоднократно указывал, что в конце 1890-х – 1910-е гг. драматурги, выступавшие за обновление еврейского театра, стремились отразить идейные и эстетические запросы «интеллигентного зрителя». Подобные задачи были характерны для передовой русской сцены, на художественные достижения которой они ориентировались. Однако в середине 1920-х гг. писатель признавал, что многое в театре изменилось: пришло новое поколение, для которого эта прежняя борьба перестала быть одной из важных составляющих в оценке успешности спектакля. В 1920-е гг. театр на идише пережил эпоху своего бурного взлета и постепенно уступал дорогу новым культурным веяниям. Не случайно конфликт поколений стал центральной темой одной из самых известных пьес Кобрин «Риверсайд драйв» (1928) [Элиасберг, 2016].

В сложной обстановке политической и партийной борьбы конца 1930-х и 1940-х гг., Кобрин сохранял приверженность социалистическому движению, участвовал к работе союза ИКУФ (Союз еврейской культуры), входил в редакцию его ежемесячника «Идише культур», сотрудничал в прокоммунистической газете «Моргн-фрайхайд». В 1931 г. Кобрин издал историко-политический роман «В красной буре» («In royt n shtrom») о кризисе в рядах революционного подполья в 1904–1905 гг., напоминавшем об истории Евно Азефа, тайно сотрудничавшего с полицией. В 1936 г. в Ковно вышел его роман «Без дома» («On a heyim») о событиях гражданской войны в России и их восприятии в Америке, куда устремляются герои, пережившие ужасы погромов.

С началом Второй мировой войны противоречия в левом движении США заметно обострились. Кобрин был среди тех, кто одним из первых поддержал «Обращение Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) к мировой еврейской общественности», прозвучавшее в Москве в сентябре 1941. В годы войны с особой горечью и болью писал о гибели земляков в его родном Витебске [Maizel, 1966, 14].

В 1942 г. еврейско-американская общественность отмечала 70-летний юбилей Кобрин и 50-летие его творческой деятельности. В одной из статей, приуроченных к торжествам, литературовед Б. Ривкин замечал: Кобрин – «настоящий русско-еврейский интеллигент, радикал, социалист; его социализм был перемешан с анархистскими воззрениями, что было типично для русской народнической интеллигенции». Его литературные воззрения сформировались под влиянием русской классической литературы, и это «ключ к пониманию его творчества как писателя и как представителя русско-еврейской интеллигенции» [Rivkin, 1951, 77].

Однако в СССР социалистические убеждения писателя ставились под сомнение. Так, в статье в «Литературной энциклопедии» Кобрин хотя и признавался «одним из виднейших представителей натуралистической школы в еврейской литературе», но при этом подвергался жесткой критике за «мелкобуржуазное народолюбие» [Кац, 1931, 362]. Эта характеристика отражала глубокий кризис всех левых движений, которые на заре XX вв. были близки духовным чаяниям молодого Кобрин. Однако и тогда в своих художественных текстах он сумел показать немало противоречий и психологических проблем, с которыми сталкивались его герои-идеалисты.

В 1944–1945 гг. Кобрин приступил к работе над мемуарами «Мои пятьдесят лет в Америке» [Kobrin, 1955; 1966], завершить которые помешала болезнь. Его повествование начинается с описания путешествия на корабле и знакомства с молодыми попутчиками, увлеченными социалистическими и анархистскими идеями. Далее идут главы о нелегких буднях «зеленого» эмигранта и начале литературной карьеры. Во второй том вошли воспоминания о встречах со знаменитыми современниками: писателем З. Либиным, поэтами М. Розенфельдом, М. Винчевским, А. Лесиним и многими из тех, кого принято называть пионерами идишской прессы и литературы в Америке. Одна из последних глав рассказывала о создании газеты «Форвертс» в 1897 г. и ее главном редакторе А. Кагане. Таким образом, в этих томах были запечатлены события первого пятилетия пребывания Кобрин в США, совпавшего с «эпохой пионеров», во многом определившей особый путь еврейско-американской культуры первой половины XX в.

Заключение

Леон Кобрин отстаивал самостоятельность литературы на идише в Америке по отношению к давно сложившимся еврейским культурным центрам в Европе. В своих произведениях он отразил эволюцию духовных переживаний нескольких поколений русско-еврейских эмигрантов: от глубокой тоски по оставленной родине до «тоски по себе» в душах тех, кто боролся за жизнь в «новом доме» и прошел нелегкий путь – от неприятия новых реалий до осознания своей «причастности к общей американской судьбе» [Goldberg, 1920, vi]. Вместе с тем Кобрин принадлежал к тому поколению еврейско-американских литераторов, которое было воспитано на идеалах народнической интеллигенции и стремилось сохранять духовные связи с русской демократической культурой.

Библиография

1. Биневиц Е. История еврейского театра в России. 1875–1918. Baltimore, 2009. 491 p.
2. Кац Л. Кобрин Леон // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 5. М., 1931. С. 361-362.
3. Кобрин Л. О еврейских писателях в Америке // Рассвет. 1908. № 42.
4. Ромбро Я. Жаргонная литература в Америке // Восход. 1899. № XII. С. 52-68.
5. Смирнова Т.М. Театральная жизнь многонационального Петрограда-Ленинграда. 1917–1941. СПб., 2016. 544 с.

6. Элиасберг Г.А. Драматургия Леона Кобрин: из истории еврейского театра в Америке (1890 – 1920-е гг.) // Национальный театр в контексте многонациональной культуры. Девятые международные Михоэлсовские чтения. М., 2016. С. 186-202.
7. Cassedy S. To the other shore: the Russian Jewish intellectuals who came to America. Princeton University Press, 1997. 224 p.
8. Entin Y. Leon Kobrin der dramaturg // Kobrin L. Dramatishe shrift. New York, 1952. P. ix–xxxvii.
9. Goldberg I. Introduction // Kobrin L. A Lithuanian village. New York: Brentano's Publishers, 1920. P. viii–xix.
10. Grin B. Leon Kobrin // Grin B. Yidishe shraiber in Amerike. New York, 1963. P. 93-100.
11. Hapgood H. The Spirit of the Ghetto. New York, 1967. 315 p.
12. Kobrin L. A Lithuanian village. New York, 1920. 193 p.
13. Kobrin L. Erinerungen fun a yidishn dramaturg: 2 vol. New York, 1925.
14. Kobrin L. Gezamlte shriftn. New York, 1910. 925 p.
15. Kobrin L. Maine fuftzik yor in Amerike: 2 vol. New York: YKUF, 1955, 1966.
16. Maizel N. Di lezte yor fun Leon Kobrin // Kobrin L. Maine fuftzik yor in Amerike. New York: YKUF, 1966. P. 9-27.
17. Niger Sh. Leon Kobrin – shilderer fun shtarke un elementare gefiln // Niger Sh. Derzeilers un romanistn. Vol. I. New York, 1946. P. 217-271.
18. Pinsky D. Dos yidishe drame: an iberblik iber ir antvinklung. New York, 1909. 66 p.
19. Rivkin B. Leon Kobrin – fuftzik yor shafn // Rivkin B. Unzere prozaikers. New York, 1951. P. 76-85.
20. Rogoff H. Nine Yiddish Writers: Critical Appreciations. New York, 1916. 121 p.
21. Wiener L. The history of Yiddish literature in the nineteenth century. New York, 1972. 402 p.

**To the origins of the Yiddish cultural center in America:
Leon Kobrin, writer, playwright, translator, and memoirist**

Galina A. Eliasberg

PhD in philology,
Assistant professor at the educational and scientific center of biblical studies and Judaica,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6 Miusskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: gaeliasberg@gmail.com

Abstract

The article analyzes the creative work of Leon Kobrin (1872, Vitebsk – 1946, New York), who was one of the founders of the Jewish-American literature. His life and destiny are inextricably linked with the history of the first generations of Russian-Jewish immigrants in the USA. This work traces the influence of the Russian literature and ideological movements of the turn of the XIX–XX centuries on the Yiddish writer. The article notes the importance of his translations of Russian and European classics for the development of the Yiddish literature in the United States. Kobrin's critical and memoir texts characterize his attitude to the choice of the language for his literary creativity. The article analyzes Kobrin's prose and dramatic works, his memoirs of the 1920s–1940s, reflecting the psychological and social experience of several generations of emigrant families in America. Leon Kobrin defended the independence of Yiddish literature in America in relation to the long-established Jewish cultural centers in Europe. In his works he reflected the evolution of the spiritual experiences of several generations of Russian-Jewish immigrants. At the same time Kobrin belonged to that generation of Jewish-American writers who were raised on the ideals of the Narodnik intelligentsia and sought to maintain spiritual ties with the Russian democratic culture.

For citation

Eliasberg G.A. (2018) U istokov literaturnogo tsentra na idishe v Amerike: Leon Kobrin, prozaik, dramaturg, perevodchik, memuarist [To the origins of the Yiddish cultural center in America: Leon Kobrin, writer, playwright, translator, and memoirist]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (1A), pp. 257-267.

Keywords

Jewish literature, drama, theater, emigration, Yiddish, translations of Russian literature.

References

1. Binevich E. (2009) *Istoriya evreiskogo teatra v Rossii. 1875–1918* [History of the Jewish theater in Russia. 1875-1918]. Baltimore.
2. Cassedy S. (1997) *To the other shore: the Russian Jewish intellectuals who came to America*. Princeton University Press.
3. Eliasberg G.A. (2016) Dramaturgiya Leona Kobrina: iz istorii evreiskogo teatra v Amerike (1890 – 1920-e gg.) [The dramas by Leon Kobrin: from the history of the Jewish theater in America (1890s – 1920s)]. *Natsional'nyi teatr v kontekste mnogonatsional'noi kul'tury. Devyatye mezhdunarodnye Mikhoelsovskie chteniya* [The National Theater in the context of multinational culture. Ninth international Mikhoels readings]. Moscow, pp. 186-202.
4. Entin Y. (1952) Leon Kobrin der dramatur. In: Kobrin L. *Dramatishe shrift*. NY, pp. ix–xxxvii.
5. Goldberg I. (1920) Introduction. In: Kobrin L. *A Lithuanian village*. NY: Brentano's Publishers, pp. viii–xix.
6. Grin B. (1963) Leon Kobrin. In: Grin B. *Yidishe shraiber in Amerike*. NY, pp. 93-100.
7. Hapgood H. (1967) *The Spirit of the Ghetto*. NY.
8. Katz L. (1931) Kobrin Leon. In: *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary encyclopedia], vol. 5. Moscow, pp. 361-362.
9. Kobrin L. (1908) O evreiskikh pisatelyakh v Amerike [About Jewish writers in America]. *Rassvet* [Dawn]. 1908. № 42.
10. Kobrin L. (1910) *Gezamlte shriftn*. NY.
11. Kobrin L. (1920) *A Lithuanian village*. NY.
12. Kobrin L. (1925) *Erinerungen fun a yidishn dramaturg*: in 2 vols. NY.
13. Kobrin L. (1955, 1966) *Maine fuftzik yor in Amerike*: in 2 vols. NY: YKUF.
14. Maizel N. (1966) Di lezte yor fun Leon Kobrin. In: Kobrin L. *Maine fuftzik yor in Amerike*. NY: YKUF, pp. 9-27.
15. Niger Sh. (1946) Leon Kobrin – shilderer fun shtarke un elementare gefiln. In: Niger Sh. *Derzeilers un romanistn*, vol. I. NY, pp. 217-271.
16. Pinsky D. (1909) *Dos yidishe drame: an iberblik iber ir antvinklung*. NY.
17. Rivkin B. (1951) Leon Kobrin – fuftzik yor shafn. In: Rivkin B. *Unzere prozaikers*. NY, pp. 76-85.
18. Rogoff H. (1916) *Nine Yiddish Writers: Critical Appreciations*. NY.
19. Rombro Ya. (1899) Zhargon'naya literatura v Amerike [Zhargon literature in America]. *Voskhod* [Sunrise], XII, pp. 52-68.
20. Smirnova T.M. (2016) *Teatral'naya zhizn' mnogonatsional'nogo Petrograda-Leningrada. 1917-1941* [Theatrical life of multinational Petrograd-Leningrad. 1917-1941]. Saint Petersburg.
21. Wiener L. (1972) *The history of Yiddish literature in the nineteenth century*. NY.